

Номинация на премию им. Сергея Довлатова
Номинация на премии «Большая книга», «Национальный бестселлер»

Игорь Паломарес

ВАША РАША

«ОТРАЖЕНИЕ. XXI ВЕК»

18+

Игорь Голубятников (Паломарес)

Ваша Раша

Серия «Отражение. XXI век»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67512680
Ваша Раша: Интернациональный Союз писателей; М.; 2022
ISBN 978-5-907564-30-5

Аннотация

Перед вами сборник рассказов о советских, современных и советско-современных россиянах, основанный хоть и на реальных событиях, но в ироничном авторском изложении. Сборник сшит как лоскутное одеяло, где нашлось место и обрывку колхозной телогрейки, и кускам рабочей спецодежды, и клочкам от авторских костюмов мэтров Haute Couture. У одних читателей подобная писательская эклектика может вызвать искреннее недоумение и презрительную брезгливость. У других – умиление и даже в некотором роде запоздалое прозрение. С скромное пожелание и тем и другим (и вообще всем читателям, не упомянутым выше!): грейтесь под этим одеялом, ибо каждый лоскут его есть не только субъект иронии, но и объект искреннего авторского неравнодушия.

Содержание

Об авторе	5
Часть первая	9
Аристократы деревни Дворягино	9
Голавль мечты	15
Наука и религия	20
Шальная молодость ея	25
Круговорот воды в народе	30
Магия закона всемирного тяготения	35
Собака Павлова	39
Морковь и голуби	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Игорь Паломарес (Голубятников) Ваша Раша

© И. Голубятников (Паломарес), 2022

© Интернациональный Союз писателей, 2022

Об авторе

Я родился упоительным июльским утром 1961 года в го-

роде Пензе. Читать и писать меня научила тётя Валя, соседка по коммунальной квартире, в возрасте 5 лет. За столь раннее обучение я поплатился в 1967 году в начальной школе, где учительница заподозрила меня в заучивании наизусть текста из двух предложений. За такой подлый обман она тут же вlepила мне первую оценку – единицу – и вызвала родителей.

К счастью, ко второй четверти мы переехали в новую квартиру, и я пошёл в другую школу, которую и окончил благополучно в 1978 году. Здесь учительницей Лазаревской Людмилой Ивановной мне была привита на всю оставшуюся жизнь любовь к русскому языку и литературе.

В тот же год поступил в музыкальное училище на дирижёрско-хоровое отделение. Обучение пению здорово помогло в годы службы в армии, где на каждом параде, в дождь, мороз и жару, запевал я песню «У солдата выходной». За что получил сорванный до хрипа голос, несколько отпусков и, в нагрузку, зависть обделённых сослуживцев и ненависть обойдённого замполита.

После армии перевёлся в ГМУ им. Гнесиных, которое и окончил в 1984 году. Во время летних каникул подыгрывал в разных коллективах, в том числе у народного артиста СССР Махмуда Эсамбаева. Был распределён в Сочи, но пренебрёг фешенебельным курортом и вернулся в родные пенаты. Работал в областной филармонии и музучилище, писал стихи и песни, печатался в местных газетах.

Вернулся в 1986 году в Москву, в ГМПИ им. Гнесиных,

который и окончил в 1991-м. Общался много и плодотворно с творческой элитой: Булат Окуджава посоветовал мне рассердиться на себя, Юрий Саульский – настраиваться побыстрее, а Сергей Юрский – уносить за собою грязную посуду на мойку. Все эти заветы я потом успешно воплотил в жизнь.

С 1989-го работал преподавателем в Гнесинке, а с 1990-го – и в Институте. Играл в ансамбле «Фонограф» под управлением Сергея Жилина, писал песни, снимался в кино.

Увёз семью из России в 1992 году в Гондурас. Вначале работал в Национальном оркестре и университете, а в 1994-м основал школу музыки «Москва» и открыл с партнёрами джаз-бар «Фламинго». Обиженный директор оркестра заявил о моих угрозах убить его и написал донос в «мигру» с требованием немедленной депортации. Донос подписали почти все мои коллеги по работе в оркестре. Помог выбраться из щекотливой ситуации новый министр культуры – доктор Родольфо Пастор Фаскель.

Ездил по Центральной Америке с сольными концертами, выпускал кассеты и компакт-диски с обработками этномузыки и собственными композициями. В 1999-м, после разрушения экономики Гондураса ураганом «Митч», работал волонтером ООН. Побывал во всех уголках страны с различными гуманитарными миссиями.

В этом же году перебрался в Панаму, где продолжил работу с автохтонной музыкой. Начал писать книгу «По банановым республикам без охраны», в которой рассказал о своих

приключениях в этих республиках и традициях населяющих их народов. Отдельные главы книги опубликованы в альманахе «Парк Белинского» за 2014 и 2015 годы. Издал её целиком только в 2015-м, а запустил в продажу в электронном и печатном виде ещё позже. В марте 2021-го выставял эту книгу на ярмарке «Нон-фикшн» в Гостином Дворе.

С той поры работал в нескольких дивных странах и всегда успевал вовремя сматываться из них, как, например, в 2013-м году из Таиланда, а в 2018-м году из Мьянмы. В апреле 2021-го вступил в ряды ИСП, с которым подготовил к изданию сборник занимательных рассказов под названием «Ваша Раша».

Часть первая

Аристократы деревни Дворнягино

Моросил заунывный и холодный октябрьский дождь...

Деревенька Дворнягино, с одной стороны прижатая соломенными крышами амбаров к голым суглинистым полям, а огородами сползшая в хиленький ручей, запиралась на зиму сама в себе наглухо. Только жидкий дым из худых печных труб да тусклый свет в грязных, подслеповатых окошках напоминали о людях, ещё живущих здесь.

Барский дом, стоящий на пригорке в окружении вековых лип, в результате пролетарской революции и последовавшего за ней обобществления давно опустел. Во всех смыслах. Под натиском стихий он лишь покорно прогибался худой крышей и осыпался крошками упрямого кирпича.

Колхозники давно растащили из усадьбы по дворам всё, что можно было увезти на телегах и отволочить волоком. Дворы их, однако, краше от этого не стали, а вот барский дом в результате набегов теперь выглядел как единственный гнилой зуб в широко улыбающемся рту старой крестьянки.

Корреспондент областной газеты «Знамя труда» Иван Борзов, долговязый очкарик с пронзительным взглядом, прибыл в Дворнягино по заданию редакции с целью описать

достижения колхозников в только что завершённом аграрном году.

Газик председателя колхоза, любезно подбросивший журналиста от железнодорожной станции в деревню, взыв от натуги, выбросил залп грязи из-под задних колёс и, мотаясь по колеям, как пьяный мужик, укатил куда-то дальше.

Борзов приложил ладонь к пылавшей с утра от жара голове, безглаголю, двумя холёными пальцами, счистил с галифе и кожаной куртки то, что набросал на прощание автомобиль, и осмотрелся...

Налево, чуть поодаль, кривилась улица с увязшими по пояс в земле бревенчатыми домами. На пригорке справа, за каменной аркой, вытянулся ещё один, двухэтажный, старого кирпича, с пустыми глазницами окон.

А прямо перед ним шевелила клочками облупившейся краски контора, бывшая когда-то флигелем, где жил выпитый из столицы агроном. Со слезы над крыльцом конторы понуро и покорно свисал подмокший кумач.

Иван решительно перепрыгнул через лужу и двинулся по направлению ко входу. Но перед самым порогом вдруг, как под гипнозом, посмотрел ещё раз направо, на барский дом, да так и застыл на ступеньке с полусогнутой ногой.

Из широкого проёма, служившего когда-то парадным входом для господ, на него внимательно смотрели печальные глаза худой до невозможности, сидящей на задних лапах собаки. Надо полагать, собака была очень крупной, поскольку

ку даже сидя, она возвышалась над полом не меньше чем на метр. Но более всего поразил Ивана взгляд собаки: гордый и в то же время какой-то обречённый...

— Эт он вас, дорогой товарищ карриспидент, изучат! — с готовностью пояснил Ивану широкоплечий луноликий мужик в синей телогрейке, вышедший покурить на крыльцо конторы. — Вы ведь карриспидент, так?

— Иван Борзов, газета «Знамя труда»!

— Иван Дормидонтыч, председатель колхозу! — ответил мужик, выпуская густой клуб дыма уголком рта в сторону. — Щас вот докурю, и разместим вас на постой, лады?

— Как будет угодно, — согласился Иван. — Только, может, для начала я задам несколько вопросов?

— Да куды нам спешить? — отмахнулся председатель. — Сельхозработы один хрен закончились, а в такую погоду тока дома сидеть да водку жрать! Вы как насчёт ентого дела, кстати?

Он выразительно поскрёб себе шею толстым указательным пальцем.

— А? Что? — смутился было Иван, но потом собрался и решительно мотнул тут же загудевшей от обиды большой головой: — Не-не! Не употребляю!

— Жаль! — искренне посочувствовал председатель. — У нас ведь тут развлечений никаких нету. Был клуб, да заведущая о прошлом годе тож в город подалась. Грит: «Не хватало ещё с тоски тут у вас удавица!»

Председатель поплевал на огонёк папиросы, растёр её, полупотухшую, в широкой мозолистой ладони и пригласил кивком корреспондента:

– Ну, пошли!

– А скажите... – пробормотал тот, поднявшись ещё на ступеньку и протянув руку в направлении барского дома, – что за порода такая у этого пса?

– Дед мне грил – борзая! – отвечал председатель, придерживая дверь. – Помню, пацанёнком был, их тут целая свора бегала. Штук десять, не меньше. Ристократы, ядрёнать! С нашими деревенскими не якшались и собачьих свадеб не играли, всё промеж себя! Вот и повывелись терь вчистую, суки!

– А что, в деревне охотников у вас разве нету? Ведь борзая – это же первоклассная собака! Умная, стремительная, благородная. Ей цены нет! Мой дед все гда держал пару гончих, а о борзых только мечтал – не по карману.

– Дак ей же в придачу ещё и лошадь надобно! – криво усмехнулся председатель. – За ней ить не угонисся – она шибче зайца чешет. А мужикам лошадя для своих нужд потребны, а не по лесам да полям за зверьём гонять.

В конторе со стен на корреспондента пытливо глянули хитро прищуренный Ленин и поднявший в сомнении левый уголок рта Хрущёв. Достоинства и обречённости, как у гордого пса, в их глазах Борзов не заметил. Скорее, наоборот.

– А что это вы, батенька, всё больше богзыми интегесуе-

тесь, а не заданием гедколлегии? – спросил Ильич и заложил большой палец за жилетку.

– Ты пидарас? – с широкой улыбкой спросил Борзова Никитушка. – Гляди, с такими мыслями живо у нас пойдёшь на два года на лесозаготовки!

– Ваша фамилия явно не габоче-кгестьянского погисхождения! – погрозил Ивану пальцем Ильич. – Откуда у вас этот нездоровый интегес к бугжуазным пегежиткам, коим является охота с богзыми собаками?

– Говно! – припечатал сонную муху ботинком Хрущёв. – Все вы, сопливые интеллигенты, это одно сплошное говно на шее трудового народа!

– Ну так помойте шею! – не выдержал Борзов, поморщившись от боли. – Чего развонялись-то сами на всю округу?!

Ленин с Хрущёвым, однако, ничего не ответили несдержанному почитателю аристократических пород собак. Диспута не получилось. Драчки – тем более.

А вот председатель колхоза вдруг замер на полпути к своему столу, внимательно посмотрел на корреспондента снизу вверх и медленно, с подозрением спросил:

– Каку таку шею? Ты точно с газеты приехал?

– Э-э-э... простите... это я не вам... – пробормотал смущённый Иван.

– Не мне?! А кто ж тута есть ещё, окромя нас с тобой?

– Это я им! – неосторожно кивнул Борзов на портреты. И пожалел.

– Ах, йи-и-им... – Председатель тщательно осмотрел Ивана с ног до головы, обошёл его по кругу, не отрывая пристального взгляда, в задумчивости снял трубку телефона и, с трудом впихивая грубые пальцы в отверстия диска, набрал какой-то номер.

– Алё, редакция газеты «Знамя труда»? Это председатель колхозу с деревни Дворнягино. Ну, куда вы карриспиндента давеча заслали... Да, да – яво! Шта? Не-е-е, вон он передо мной сидит, живёхонький, с портретами разговариват. Шта? Да, вот прям так берёт и разговариват. В общем, срочно засылайте машину и забирайте его отсель к себе взад... Штоб духу евонного у меня тут не было! Да! А в придачу могу ещё выделить старого борзого кобеля, на почве которого ваш карриспиндент и тронулся умом. Пушай оне у вас в Центральном парке парой на охоту ходють!

Голавль мечты

Как говаривали, помнится, классики ещё в школе: *чуден Дон при тихой погоде!*¹ Станичные мальчишки летом проводили на нём всё светлое время суток – с удочками по утрам и вечерам, а днём на пляже – с надутыми камерами от тракторных колёс.

Василёк, белобрысый городской сорванец, приехавший к бабке с дедом на каникулы, не был исключением. Целыми днями он пропадал на реке, то исследуя ежегодно наполняемые половодьем озёрца и протоки, то забираясь на возводимый заново каждую весну понтонный мост.

На правый берег с его откосными сахарно-меловыми горами Василёк не ходил: слишком уж резко Дон-батюшка там набирал глубину. Да и течение уносило наживку за какие-то секунды. Замучаешься перезабрасывать.

Нет, мальчик любил тихие заводи, куда заплывала отдохнуть от стремнины и зловещих глубин всякая рыба молодёжь типа голавликов и краснопёрок.

Он даже изобрёл для себя новый метод ловли без грузила и поплавка. Весь мир уже давно знал этот метод как ловлю нахлыстом, но советский телевизор не больно-то показывал, как этот самый мир ловит рыбку себе в удовольствие.

Сотни луговых кузнечиков извёл Василёк, отправляя их

¹ Примечания на стр. 139–143.

на крючок как наживку для стремительных хищников. Но зато и результат у него был налицо: каждый вечер приносил он в хату целую связку упругих рыбёшек.

— Кормилец! — ласково называла его бабушка. — Кажинный день рыба на столе!

— Бездельник! Хучь бы воды под яблони натаскал... — ворчал себе под казацкий длинный ус дед, не отрываясь от чтения газеты «Правда». — Я вон надысь* тридцать вёдер с журавля приволок!

Василёк ничего не отвечал деду. Только выпивал залпом поднесённую бабулей пол-литровую банку парного молока, съедал нехитрый ужин и ложился спать. Снились ему в основном сны про трофейных голавлей и язей, которых он вытаскивал из Дона после упорного вываживания.

Бабушке, хлопотавшей по хозяйству с первого света и до кромешной темени, не снилось ничего.

А деду, суровому ветерану всех коллективизаций и войн, снилась упорная борьба не на жизнь, а на смерть с врагами коммунизма и пособниками мирового империализма.

В тот день, встав чуть позже бабули, которая уже успела подоить корову и отправить её в бредущее мимо дома стадо на выпас, Василёк решил пойти рыбачить на понтонный мост. Ранним утром по мосту, как правило, никто не ездил, и смотрящий, дородный дядь Валера в прорванном под мышками и выцветшем от старости тельнике, появлялся на рабочем месте уж никак не раньше половины восьмого.

Этим пользовались все мальчишки, забираясь по понтам чуть не на середину реки. Василёк же туда отнюдь не стремился: рыба молод держалась поближе к водорослям у береговой линии. На неё-то, эту молод, он и собирался поохотиться со своим нахлыстом, предварительно наловив ладошками целую кучу кузнечиков и отправив их в целлофановый пакет.

Голодные голавлики и краснопёрки охотно хватали предложенное угощение, и уже часам к семи утра у Василька на кукане висело с дюжину рыбёшек вполне себе съедобного размера.

Солнце поднялось выше и начало нещадно припекать. Захотелось искупаться. А заодно и отлить.

Но тут к вяло барахтающемуся на поверхности воды кузнечiku подплыл очередной голавлик и стал пробовать наживку на вкус.

– Ну же, ну, давай! – подбадривал его шёпотом Василёк, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу на начавшем разогреваться железном понтоне.

Внезапно возле десятисантиметрового голавлика нарисовалась такая атомной подлодкой поднывавшая откуда-то из глубины тень. Мелкий стремглав шарахнулся от неё в укромные заросли прибрежных водорослей. А тень материализовалась в полуметрового гиганта с такими сочными ярко-красными плавниками, что Василёк от восхищения даже перестал плясать.

Голавль неторопливо взял в губы кузнечика, пожевал его, одобрительно шевеля мощным хвостом, а потом развернулся на сто восемьдесят градусов и пошёл на погружение.

Леска сразу полностью ушла под воду вслед за ним. Василёк тут же подскочил к самому краю понтона и вытянулся в дугу, схватив удочку обеими руками, чтобы дать рыбе поглубже заглотить наживку.

После подсечки и возврата на поверхность изогнутым в верблюжий горб бамбуковым удилищем дитя донских глубин с выражением недоумения на породистой морде поднялось на несколько сантиметров над водой и сразу же рухнуло обратно вместе с оторванным крючком в губе.

Выплюнутый кузнечик пару раз качнулся в оставленном удивлённым голавлём водовороте и тоже медленно погрузился в таинственную бездну.

– Вась, а Вась! – донеслись смешливые мальчишечьи голоса с соседних понтонов. – Ты чаво эт, кубыть*, оглоблю подцепил?

Василёк, пятясь на дрожащих в коленях ногах, лишь неуверенно помотал головой в ответ и без сил опустился на деревянный настил моста.

Несколько минут спустя, вытерев тыльной стороной ладони вспотевший лоб и подобрав бесполезный теперь нахлыст, он отправился домой, чтобы рассказать деду с бабкой о своём приключении.

Бабуля, варившая на керосинке противную манную кашу

на завтрак, только руками всплеснула:

– Ой, та ты шо?! От така от риба? Эка орясина!*

А дед, закончив обязательную утреннюю зарядку, вошедшую у него в привычку за долгие годы службы, неторопливо умылся по пояс холодной водой и, растирая поджарое тело вафельным полотенцем, иронически спросил:

– Эт те, кубыть, ночью причудилось? Аль зараз* сочинил?

Василёк ничего не ответил своему идейно закалённому деду, которого, кстати, он очень в душе уважал за его героическое прошлое и нестигаемое настоящее.

Но поскольку взаимопонимание у них явно никак не налаживалось, он пошёл в сад, прислонился к старой, не политой им надысь яблоне, обнял её и горько заплакал от обиды...

А вдоволь поплакав, задумался на мгновение, мстительно усмехнулся, расстегнул ширинку и обильно оросил ствол дедовой гордости, восстановив таким манером психологический статус-кво.

Наука и религия

Мужики крепко гуляли на Казанскую.

Пока их жёны прибирались в избах да истово целовали вынутые из сундука по случаю праздника иконки Божьей Матери, мужики собирались у правления колхоза и неторопливо скручивали сигарки из обрывков советских газет.

Часам эдак к девяти, когда июльское солнце уже не раз заставляло их протирать нещадно потевшие под праздничными фуражками головы, к правлению подтягивался колхозный пастух Барыш с гармошкой на ремне через плечо и бутылю мутной жидкости под мышкой.

– Эва, Барыш подкатывает! – радостно сообщил товарищам худосочный тракторист Ваньша Комаров, первым узревший разодетого в пух и прах гармониста.

– А мы уж тут ты заждались! – откликнулся ему Петька Жеменев, красномордый скотник с плечами в косую сажень. – Десятый час никак, а ни в одном глазу!

– Ничо, подождёшь, – спокойно ответил Барыш, ставя в тенёк бутылю и задвигая трёхрядку за спину. – Закусь принесли, отерханцы?*

– Не вишь, што ль? – мотнул патлатой головой Ваньша. – Эва, на газетке разложено всё!

Барыш аккуратно, чтобы не помять красную ситцевую рубаху навыпуск и не испачкать начищенные до зеркального

блеска юфтевые сапоги, присел на травку и посмотрел на несколько вырванных листов бумаги, постеленных скатертью.

– Кака эт те газетка?! – попрекнул он Ваньшу. – Это ж цельный журнал «Наука и религия», темнота!

Эвона статья про работу мозга при задержке дыхания. Читать, што ль, не могёшь, комаха* ты задержи?

– Нет у его мозгов! – уверенно заявил Петька, с характерным звуком выдёргивая пробку из бутылки с мутной жидкостью. – Ни к чаму яму та статья!

– Чего нету? – напрягся Ваньша. – Мотри, как бы самому мозги не вышибли!

Петька, не обращая ни малейшего внимания на угрозы худосочного приятеля, разлил жидкость по гранёным стаканам и выдохнул:

– Ну, будем!

После чего, слегка дотронувшись своим стаканом до товарищеских, залпом опрокинул его в широкую пасть.

– Хар-рош! – смачно крикнул он, ставя стакан обратно на травку и протягивая другую руку за малосольным огурчиком и чёрным хлебушком.

Остальные последовали его примеру...

И продолжали следовать, пока не опростали пятилитровую бутылку до последней капли. Наиболее слабые богомольцы уже лежали в лёжку, а наиболее крепкие и воинственные отправились разрозненным табуном в соседнее село на тра-

диционный праздничный диспут с тамошними мужиками.

– Эка... – непритворно удивился Барыш, когда в ёмкости не осталось ничего, кроме сивушного запаха.

Поглядел пристально на журнал-самобранку и непослушным ртом промычал, прерываясь на икоту:

– Ван-нь, а Ван-нь... ик... слышь штол-ль?

– Ась? – оторвался от своих булькающих мыслей о работе мозга приятель.

– Хренась! – с обворожительной телячьей улыбкой ответил Барыш. – Эт-та... ик... домой ко мне сгоняй... ик... у меня ещё одна така стоит в сенях под лавко-о-ой...

Тут силы его вероломно оставили, он тяжело рухнул на бок, как подстреленный чукчей из карабина олень, и скоропостижно вырубился.

– Разморило! – понимающе помотал башкой крепыш Петька. – Жарища-то кака... Небось, под тридцатку!

И, с трудом задрав голову, посмотрел на стоявшее в зените дохристианское Ярило.

Ваньша тоже попробовал посмотреть на солнце, но голова его предательски закружилась, и он поспешил сфокусировать взгляд на Петре. Когда тот перестал наконец троиться, к Ваньше в голову забрела ненароком одна восхитительная идея:

– А чо мы тут сидим, пóтом опывам? Айда в Волге скупнёмся!

– И то дело! – согласился Петька, не без труда встав на

четвереньки. – Слышь, Барыш, подъём!

Пастух никак не реагировал.

– Гармонь с его сыми! – посоветовал Ваньша. – Так. А терь давай ты под праву, а я под леву! У меня лодка тут недалече.

Приятели взвалили обмякшего Барыша на плечи и потащили к реке, поминутно спотыкаясь и матерясь. Донеся до берега, плюхнули на мокрый песок, не снимая с него ни нащипанных сапог, ни красной косоворотки.

А сами стащили с себя всю одёжу, кроме семейных увядших трусов, зашли в воду и стали отвязывать Ваньшину лодку от колышка.

Пока суд да дело, ожил и Барыш.

Неуверенно сел, опершись обеими руками о песок, обвёл мутным взором окрестность и заорал благим матом на всю Волгу вплоть до противоположного берега:

Как по нашей речке плыли три дощечки!

Эх, оп, твою мать, плыли три дощечки!

Потом повернул голову к собутыльникам и требовательно спросил:

– Иде моя трёхрядка? Петь хочу!

– Морду перва ополосни, певун, – незлобиво посоветовал ему Петька.

Барыш послушался, прополз пару метров на четвереньках и макнул головой несколько раз в воду. Затем шатаясь встал

на ноги и поинтересовался:

– А куды эт вы собрались без меня?

– На фарватр! – пояснил Петька. – Ваньша журналов по твоему совету начитался и хочет поставить ксперимент. По поводу работы мозга при задержке дыхания. Вот заодно и докажет, что у его мозги есть!

– А-а-а... – протянул Барыш с пониманием. – Ну, ежели ксперимент, то тады айда!

Друзья-приятели не без труда залезли в лодку, изрядно начерпав в неё воды.

Петька выгреб на фарватер, и Ваньша, сложив ладошки одна к другой, как всамделишный богомолец, сиганул с кормы в бездонную неизвестность. Мужики до-о-олго ждали, пока он из неё вынырнет...

Вынырнул Ваньша на Угличской плотине несколько дней спустя, набравши так не хватавшего ему при жизни весу и намертво вцепившихся раков.

Однако результаты сего смелого эксперимента по оценке работы мозга в условиях задержки дыхания так и не попали в научно-просветительный журнал.

Начхать было редакции «Науки и религии» на Ваньшу и на его изыскания с хоть и подтопленной, но всё равно высокой Калязинской колокольни!*

Шальная молодость ея

Валька росла сущей оторвой.

Да и кем бы ещё могла вырасти девчонка, если отец, машинист башенного крана, приползал домой чуть не каждый день «на бровях», бил жену смертным боем, а когда однажды явился трезвым и с удивлением обнаружил в дочке появление вторичных половых признаков, тут же залез ей всей пятернёй в трусы?!

Вот и бегала она чуть не с тринадцати лет по тёплым подвалам в компании бравых пацанов, многолетних подопечных участкового дяди Гриши и комиссии по делам несовершеннолетних.

– Ох, гляди, девка! – не раз грозил ей пальцем участковый. – По рукам пойдёшь – всю себе жизнь испоганишь! Хоть бы мать пожалела...

– А чо её жалеть? – кривилась Валентина. – Сама такую жизнь себе выбрала. Хотела б – давно развелась! А она даже маляву в ментовку писать боится.

И запела с издёвкой:

*Умчитесь прочь, мои печали,
И, в даль счастли-и-ивую маня,
Взмахни крылом цыганской шали,
Шальная молодость моя,
Шальная молодость – тр-р-рям! – моя!*

– Я вот те дам «ментовку» с «малявой»! – оборвал её милиционер. – Ишь, разболтались совсем. Думаешь, управы на вас нет? Я тебе в последний раз говорю: бросай ты эту свою гоп-компанию, не доводи дела до греха!

– А то чо? – расстегнула верхнюю пуговицу на оттопыренной блузке юная нимфа и поиграла влево-вправо бюстом. – Мамке пожалуешься, да?

– Тьфу ты, пропасть! – плюнул в сердцах дядя Гриша, развернулся налево кругом и отбыл в неизвестном направлении.

Летом комиссия по делам несовершеннолетних с согласия профсоюза и участкового дяди Гриши отправила трудновоспитуемую Валентину в пионерский лагерь. Для смены обстановки и морального оздоровления.

В лагере Валюха немедленно соблазнила пионервожатого Василия, проникнув к нему в постель ближе к рассвету, когда тот спростонья потерял профессиональную бдительность.

Об их романе через неделю знал уже весь преподавательский состав и лично директор товарищ Шпак. Вожатого без лишнего шума сослали обратно в город, от греха подальше.

Сама грешница походила пару-тройку дней паинькой, но слух о дерзкой вакханке уже достиг ближайшей деревни, и молодые неженатые пейзажи повалили на дармовой мёд гурьбой. Товарищ Шпак рвал и метал, однако изменить сложившуюся ситуацию был не в силах.

А вот вожатому Василию очень даже понравился новый

опыт близких, доверительных отношений с юным противоположным полом.

Он предусмотрительно доложил о происшедшем своему шефу – начальнику райотдела комсомола, изобразив при этом искреннее и полное раскаяние. Повинную голову меч не сечёт. Дело замяли, даже не вынося вопрос на заседание партийного комитета.

Василий же по окончании смены в пионерлагере легко нашёл возможность возобновить отношения с безбашенной нимфеткой. Чему та, кстати, ничуть не противилась – не век же по подвалам да по кустам шариться! А тут какой-никакой, но всё же карьерный рост.

Через пару лет, достигнув совершеннолетия, Валентине захотелось чего-то более весомого, чем занятия любовью по три раза в неделю.

– Вась, а Вась... – заканючила она как-то после бурного секса, выпуская густой сигаретный дым из чувственных, поголливудски очерченных ноздрей. – А ты на мне женишься?

– Эт ещё с какого бодуна?! – испугался Василий. Рывком сел на кровати, облокотившись о подушку. – Ты чо, дурында, забеременела? Да?

– Да не-е-е... – разогнала дым рукой Валентина и скомкала бычок в пепельнице. – Просто... уже третий год мы с тобой, а ясности никакой.

– Какая те ясность нужна, шалава?! – повысил тон бывший пионервожатый. – У тебя ж, как в маршрутке, – весь

город уже побывал!

– А ты почём знаешь, кто у меня побывал? – кокетливо улыбнулась девка. – Вам, што ле, в райком сводки дядя Гриша раз в неделю носит?

– Валька, не дури! – погрозил пальцем Василий. – Ты своими хотелками мне всю карьеру под откос пустишь. Чего тебе неймётся? Займись лучше делом. Смотри, вон сколько кооперативов последние полгода пооткрывалось. Выбери себе направление – и вперёд!

– Ты чо эт, меня торговкой на рынок определить хочешь?

– Торговать ты только одним умеешь! – отрезал комсомольский вожак. – Сейчас время такое – надо свою нишу найти, пока другие её не цапнули у тебя из-под носа. А я помогу в администрации и налоговой.

– Кака така ещё ниша? – нахмурилась от напряжения мозга Валентина.

– Не знаю пока... – задумался новоявленный предприниматель. – Ну, вот, к примеру, к нам из Азии и с Кавказа идёт поток всякого барахла. Народ с руками отрывает. А пальто чурки шить не умеют – не их ассортимент. Хочешь, организуем швейку?

Василий встал с кровати и заходил в сладком предвкушении барышей по всей квартире.

– Давай с трусов начнём! – предложила озорница, весело созерцая мотающееся естество работника комсомола. – А там и пальто сварганим!

– От, блин, – я про дело ей талдычу, а у ней одно на уме!

– А я чо? Я ничо... – покорно согласилась Валентина, прикрывая передок простынкой. – Ну и с чего начнём, толстюнчик ты мой ненаглядный?

– Начнём с начала: заявление в налоговую, аренда помещения, закупка оборудования и материалов, кад ровый под-бор. Тебе ничего делать не надо, а то всё испортишь. Будешь смотрящей по общежитию!

– Как эт? Я ж ничо не умею!

– Научишься! Не боги горшки обжигают! – чеканил фразы вожак. – Главное – найти грамотных дизайнера и технолога. Ну да на государственных фабриках этого добра сейчас навалом. Только посули хорошую зарплату – сами в очередь встанут, да и бригаду свою приведут!

– Ой, Вась, ты у меня такой продвинутый... – прижалась к рельефной партийной груди растроганная девица. – А как мы назовём наш каператив?

– Ну, не знаю... – задумался тот на миг. – А давай назовём его «Одевайка»? И звучит оригинально, и вектор задан!

Вот так и родилась в муках на комсомольском ложе новая фирма. Но это сказке не конец – приплывёт ещё тунец!

Круговорот воды в народе

– Эй, водила, полегче на поворотах! Не скот, чай, везёшь!

Павлик Похмелкин, потомственный сантехник в третьем поколении, ехал на работу в пресквернейшем состоянии души и тела. Душа противилась самой нелепой необходимости ехать куда-то, а тело, в особенности голова, всецело откликлось на безмолвную, но пронзительную жалобу души.

Как найти выход из этой повторяющейся чуть не каждый день ситуёвины, сантехник не знал...

Он мог с закрытыми глазами поменять кран-буксу, помпу в сливном бачке или там соединить муфтами и фитингами трубы разного диаметра. Но способ законопатить течь в своей собственной мятущейся душе так и оставался вне досягаемости его измученного употреблением бормотухи и боярышника рассудка.

– Ты бы хоть зубы, что ли, почистил! – отвортила от него нос, принимая деньги за проезд, пожилая кондукторша. И добавила, морщась, как печёная айва: – Перегаром на весь автобус воняет, аж дышать нечем!

– Ну и не дыши, раз нечем! – вяло огрызнулся мужик. – От тебя, мож подумать, французским одеколоном пахнет, овца ты потная!

– Тьфу! – безнадёжно отмахнулась кондукторша и не глядя сунула ему билет.

Две короткобочные школьницы, с любопытством наблюдавшие за процессом обилечивания потомственного сантехника, молча переглянулись и прошли подальше в салон. Наверно, тоже чурались близости с похмельными гегемонами.

Прижав карточку учёта к автомату ровно без пяти восемь, Павлик прошёл через турникет и направился на свой участок. Вяло поздоровался за руку с мужиками в курилке и от нечего делать спросил:

– Чо, сёдня куда?

– Бригадир сказал – с нами поедешь, – проинформировал его Семёныч, наладчик газового оборудования. – На перспект Ассенизаторов, тьфу, блин, – Механизаторов! Колонку будем менять на кухне у одной бабки-ветеранши.

– Дак а я-то чо? – не понял сантехник. – Это ж по газу наряд!

– А газ воду нагревает! – кратко ответил Семёныч, втаптывая чинарик каблуком в асфальт. – А вода течёт по трубам! Круговорот такой в природе. И ваще... – тут он понизил голос и воровато оглянулся по сторонам, – ты тут до обеда будешь торчать без опохмела. А у нас с собою есть, так что не выёживайся!

– А чо есть? – У Павлика от перспективы успокоить мятущуюся душу немедля заныл затылок и в произвольном глотке дёрнулся кадык.

– На жопе шерсть! – улыбнулся наладчик, а его напар-

ник довольно загоготал, как гогочут добравшиеся наконец до пруда гуси.

– Передевайся иди! Ждать не будем!

Павлика в подобных ситуациях не надо было дважды просить.

Он мигом накинул рабочий халат, схватил ящичек с инструментом и нагнал попутчиков уже в «буханке»*. А уж когда обустроился на покоцанном сиденье автомобиля, то даже некое подобие улыбки появилось на его измятой беспощадной наследственностью физиономии.

До адреса доехали быстро.

Поднялись с инструментом и новой колонкой на этаж. Мимо причитающей на своём малопонятном старческом бабульки прошли в дверь квартиры и по-хозяйски расположились на шестиметровой кухоньке.

– Павлик, воду отруби сразу! – скомандовал Семёныч, а напарника спросил: – Газ перекрыл уже? Тогда бери разводной и – вперёд, к стояку! А я тут пока полянку накрою... Бабка, стакан есть?

Бабулька поспешно полезла в шкафчик за стаканом.

– А ещё есть? Или тока один-единный остался?

– Есть, милай, есть! – вновь запричитала утихшая было бабулька. – Вона, шкафчик сам открой, родной, – тама всё есть!

Наладчик вытащил из шкафа ещё два мутных стакана, дунул в них, протёр, потом посмотрел на свет, удовлетворённо

кивнул:

– Сгодится! А ты, старая, иди телевизор посмотри пока. Неча те тут делать!

Бабулька послушно ретировалась в гостиную.

Семёныч достал из сумки пол-литру и газетный свёрток. Разлил жидкость по стаканам, развернул свёрток, в коем оказались уже порезанные хлеб с колбаской, и произнёс тост:

– Ну, давай вздрогнем, мужики! А то на вас смотреть больно...

Мужики вздрогнули. Потом ещё. А потом – ещё.

Пока в бутылке не осталось ни капли жидкости для вздрагивания. После чего процесс снятия старой колонки и установки новой пошёл. И пошёл ударным темпом!

Ближе к концу процесса старшой чего-то заскучал и сообщил товарищам, что пойдёт подышит воздухом во двор и чтобы они тут сами пошабашили.

– Да не вопрос, Семёныч! – заверил его Павлик. – Ща всё мигом устаканим. Шесть секунд, в натуре!

Так и вышло. Только вот после ухода слесарей колонка никак не хотела загораться, а из водопроводного крана в нос бабульке вместо струи воды вдругшибанул запах газа.

Обеспокоенная старушка немедля выбежала на лестничную клетку с заполошным криком *«помогите, люди добрые!»*.

На её вопль, а пуще того на запах газа, и другие обитатели подъезда повыскакивали из своих квартир. Кто-то бывалый

догадался вызвать бригаду аварийной службы.

Бригада и обнаружила по приезду, что brave ремонтёры в процессе подсоединения труб перепутали их и вода безудержным потоком хлынула туда, где должен был струиться газ. И наоборот, соответственно.

А потомственный сантехник Павлик Похмелкин тем же вечером, наблюдая за тугой дугообразной струёй, извергаемой им после заливки третьего литра пива в организм, глубокомысленно, в полной гармонии души и тела заметил:

– От ить как происходит круговорот воды в народе!

Магия закона всемирного тяготения

Сэр Исаак Ньютон и упавшее ему на голову яблоко редко вспоминаются нашим простодушным до неприличия народом. И ещё реже управляющей им хитрожопой до бесстыдства элитой. А зря, ведь закон всемирного тяготения никто пока не отменил. Как, впрочем, и бытовую магию.

Вот, к примеру, в прошлом году в пятиэтажной хрущёвке, где проживал пенсионер Серафим Петрович (внешним видом – вылитый артист Толоконников* в роли булгаковского Шарикова!), случился казус. Некая гражданка средних лет, безмятежно возлежавшая в горячей ванне, вдруг провалилась вместе с ней сквозь пол, несказанно изумив своим полётом обывателей, мирно смотревших вечернее ток-шоу по телевизору.

Грохот пробивающего этажи помывочного аппарата вкупе с истошным визгом гражданки породили в обитателях дома подозрение, что давно обещанная телеэкспертами бомбёжка Воронежа* уже началась.

Однако грохот вскоре прекратился. Чего нельзя было сказать про визг.

Прибежавший на место приземления ванны народ среди оседающего столба пыли с увлечением разглядывал и само летательное средство, и лётчицу, в смятии прикрывающую интимные места.

Слава богу, пыль была не радиоактивная, и неравнодушные жильцы, включая Серафима Петровича, подтянулись вплотную к даме в неглиже, чтобы сполна насладиться дармовым зрелищем.

«Как хорошо, что я живу на первом! Мне никакой закон тяготения нипочём!» – подумал тогда про себя Серафим Петрович и на радостях накатил стаканчик под килечку с лучком за помин души гения механики.

И каждый раз когда пенсионер мылся в ванной, та же мысль непременно посещала его, и тот же стаканчик с закуской во славу сэра Ньютона поджидали на кухоньке!

* * *

Прошёл год.

Как-то раз утром Серафиму Петровичу, давно страдавшему, не к столу будь сказано, старческими запорами, вдруг показалось, что появилась возможность опростать наконец кишечник. Поскольку событие это происходило отнюдь не каждый день, он поспешно схватил газету и в радостном предвкушении рванул в туалет.

Однако потуги Серафима Петровича так и не дали желаемого результата.

Изъёрзавшись на сиденье унитаза, как навозный жук, и оплыв потом раз десять, пенсионер разозлился на весь белый свет, шмякнул скомканной газетой об пол и заорал на всю

губернию:

– Да штоб ты провалился, паскуда!

Науке неизвестно, оказывают ли подобные пожелания неофитов какой-либо прикладной эффект.

Может быть, ответ на этот вопрос стоило бы поискать в оккультизме или даже чёрной магии, коими и профессор Воланд*, и сам неподражаемый Ньютон отнюдь не брезговали. Но в данном случае результат заклинания был, как говорится, незамедлительно получен!

Пенсионер Серафим Петрович, подобно давешней гражданке средних лет, сидя верхом на унитазе, незамедлительно провалился сквозь пол и приземлился в подвале родного дома в луже протухшей воды.

– А-а-а-а!!! – испустил победный клич Серафим Петрович, и мирно мурлыкавшие до этого стремительного прорыва коты в ужасе прыснули прочь от невиданного доселе всадника.

– У-у-у-у!!! – продолжил завывать облегчившийся наконец от бремени пенсионер, отчаянно пытаясь ухватиться за проложенные вдоль стен, обросшие полувековым мхом водопроводные трубы, чтобы не свалиться физиономией в источающую миазмы лужу.

– ЁПРСТ!!! – изумлялись прибежавшие к месту очередной пробоины пятиэтажного корабля соседи.

– Эк ты, Петрович, пронесло! – заглядывая во внушительных размеров дыру, причитали они со смесью непритворно-

го сострадания и неприкрытого любопытства.

– Чо рты-то пораззявили, уроды малахольные?! – вопрошал их из преисподней Серафим Петрович, безутешно пытаясь натянуть семейные трусы на свои увядшие чресла. – Опять стриптизу захотели, как прошлый год?! Стремянку бы лучше принесли, дуралеи!

Вытащив всем миром пенсионера из подвала и поняв, что обещанной бомбардировки, как и капитального ремонта, три века ждут, соседи помаленьку разошлись по своим квартирам.

А удачно облегчившийся Серафим Петрович накатил стаканчик под килечку с лучком и сел смотреть вечернее ток-шоу о чудесах магии в жилищно-коммунальном хозяйстве страны.

Собака Павлова

Условный рефлекс – это приобретённый рефлекс, свойственный отдельному индивиду (особи). Возникают в течение жизни и не закрепляются генетически (не передаются по наследству). Возникают при определённых условиях и исчезают при их отсутствии. Формируются на базе безусловных рефлексов при участии высших отделов мозга.

Википедия

Ваня Павлов, худенький, бледненький, одетый в потёртый костюм мальчик, обожал биологию.

Их школьный биологический кабинет был увешан огромными наглядными пособиями с изображением эволюции живых существ от палеозоя до наших времён. Ване было одинаково интересно разглядывать цветные изображения одноклеточных инфузорий-туфельек и чёрно-белые фото подопытных собак своего знаменитого тёзки.

Однажды на уроке учительница рассказала о смысле проводимых академиком Павловым экспериментов по рефлексологии и для наглядности показала фото пса с продырявленной щекой. Из псиной щеки свисала пробирка, в которую, как пояснила училка, должна была сливаться слюна, выделяемая при появлении пищи.

Оказалось, что слюна у собаки выделялась не только во

время приёма пищи, но даже и при простом появлении на пороге комнаты сотрудника в белом халате, обычно раздававшего еду.

Это явление, сказала биологичка, называлось в науке условным рефлексом.

Ване очень не понравился этот самый условный рефлекс. Он мысленно представил себя на месте подопытных животных, и у него даже заболела щека в том месте, где дотошный академик обычно проделывал дырку.

«Наверно, его в детстве собака покусала, не иначе!» – подумал мальчуган.

Прозвенел звонок. Рефлексивно потеряв ладошкой это самое место, чтобы убедиться в отсутствии висящей пробирки, Ваня вздохнул и стал складывать в портфель учебники.

В школу и из школы Ваня всегда ходил в компании двух друзей, живших неподалёку от его дома: Лёни из профессорской семьи и Костика, сына директрисы ресторана.

Дойдя до перекрёстка, где их пути расходились, ребята увидели лежащего на только что оттаявшем газоне лохматого пса. Пёс явно наслаждался солнечной ванной.

– О, гляди-ка! – радостно объявил Костик. – Материал для опытов пропадает!

– Да уж! – согласился Лёня и похлопал Ваню по плечу. – Нет на тебя нашего Павлова!

А Ваня ничего не сказал.

Он залез к себе в портфель, вытащил оттуда недоеденный

коржик, который ему утром дала вместо денег на школьный обед мама, и бросил его (всё равно ведь засох!) собаке. Та поднялась, виляя хвостом, подошла к коржику, понюхала его пару секунд и вопросительно посмотрела на ребят.

– Не будет она его жрать! – уверенно вынес приговор румяный, упитанный Костик. – Смотри, даже слюна у неё не выделилась на твоё угощение.

– Ты бы ей колбасы дал, – посоветовал рассудительный Лёня. – На фиг ей коржик твой?

– Ага, щас в магазин сгоняю, куплю килограммчик! – парировал Ваня. – Только шнурки постираю!

– Давай-давай! – подбодрил его Костик и съязвил, поглаживая живот: – А я обедать пошёл, а то уже слюной исхожу от вида пищи. Покедова!

– До завтра, пацаны! – пожал руки друзьям Лёня. И тоже ушёл.

Ваня посмотрел на неуверенно взмахнувшую ещё раз хвостом собаку, сел на корточки и поманил её пальцем.

Собака охотно подошла. Хвост, в подтверждение выводов прославленного академика, заработал активнее.

– Ты чего, скотина неблагодарная, нос воротишь? – поинтересовался мальчик. – Колбасу я и сам люблю, да только недешёвая она!

Собака доверчиво глядела Ване прямо в глаза и даже попыталась ткнуться мордой ему в коленку.

Ване такая фамильярность не понравилась. Он брезгливо

оттолкнул пса коленом, резко поднялся и пошёл домой.

Открыв квартиру ключом, Ваня зашёл вовнутрь, повернулся, чтобы захлопнуть дверь, и тут увидел стоявшую на лестничной клетке собаку, вопросительно глядевшую ему прямо в глаза.

Ваня, не раздумывая, на рефлексе, взял из туалета мамину швабру и ткнул ею пару раз в морду опять завилявшей хвостом псины.

Потом аккуратно закрыл дверь, разулся, разделся, поставил на место швабру и пошёл готовить задание по рефлексологии имени академика Павлова.

Морковь и голуби

Клавдия Павловна просыпалась поздно.

Мужа у неё отродясь не было, а единственная дочь давно укатила покорять столицу, да так и прописалась там навечно в каком-то безымянном офисе.

В общем, некуда было старушке спешить. И не для кого.

Сквозь латанные шторы в двенадцатиметровую комнатёнку настойчиво просачивались лучи озорного мартовского солнышка, раскрашивая плешивый выцветший ковёр золотистыми овалами. В одном из этих овалов уютно и уверенно распластался на боку вернувшийся с ночных походов кот Борька.

Его широко раскинутые лапы вкупе с размеренным тиканьем настенных часов и заполошным цвирканьем счастливых синиц за окном означали, что новый день Клавдии Павловны начинался так же, как и все прошедшие.

Кукушка из часового окошка подтвердила это ощущение, бодренько прокуковав аж целых десять раз. Исполнив долг, птичка ретировалась в свой настенный «кукушник», и старушка нехотя поднялась с продавленного дивана.

Зайдя в ванную с пожелтевшим от старости, вечно слезящимся унитазом и такою же раковиной, она набрала из-под крана горсть этих слёз, ополоснула морщинистое личико и промокнула его вафельной тряпкой, которая в далёкой мо-

лодости была полотенцем.

Шаркая шлёпанцами по неровному дощатому полу, добрела до кухоньки, зажгла газовую конфорку и поставила на неё закопчённый железный чайник.

Покуда тот грелся, принесла из комнаты на кухоньку телевизор «Юность-402» с экраном размером с чайное блюдце и включила Первый канал.

Очень ей нравилось, как под бодрые звуки музыкальных заставок хорошо упитанные, лоснящиеся достатком и достоинством дикторы и дикторши рассказывали про успехи нашей славной страны и про зависть к нам коварного и подлого Запада.

– Борьк, а Борьк! – осторожно поворачиваясь на колченогой табуретке в сторону гостиной, позвала Клавдия Павловна единственного своего собеседника. – Нет, ты погляди, чаво мериканцы проклятушие удумали опять! Мало им свово полушария – они вокруг наших границ ракетов понаставили. Украину вон всю взбаламутили, хохлы нас таперь ненавидют. А ведь были, как ты, – родные, свои!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.